

DOI: 10.15372/HSS20160219
УДК 94(47)»1931/1932»

В.Б. ЛАПЕРДИН

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦЕНТРА
И РУКОВОДСТВА ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО КРАЙКОМА
ПО ВОПРОСУ ХЛЕБОЗАГОТОВОК 1931/32 г.***

Лапердин Вячеслав Борисович,
канд. ист. наук, младший научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
630090, г. Новосибирск, ул. Академика Николаева, 8,
e-mail: laperdin2011@mail.ru

В статье анализируются отношения между руководством Западно-Сибирского крайкома и Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу о хлебозаготовительной кампании 1931/32 г., рассматривается роль представителей регионального уровня власти в проводившейся сталинским правительством аграрной политике. Краевые власти корректировали поставленные перед ними задачи. Так, конечный хлебозаготовительный план дважды пересматривался в сторону уменьшения. Он стал результатом длительных переговоров между Центром и крайкомом и носил компромиссный характер. Значительную роль при этом сыграла позиция Р.И. Эйхе, добивавшегося более реалистичных заданий.

Ключевые слова: аграрная политика государства, крестьянство, хлебозаготовки, Западно-Сибирский крайком, Р.И. Эйхе.

V.B. LAPERDIN

**RELATIONS BETWEEN THE CENTER AND WEST SIBERIAN KRAIKOM
ON GRAIN PROCUREMENT IN 1931–1932**

Laperdin V. Borisovich
Candidate of History Sciences, Junior Researcher
Institute of History SB RAS,
8, Nikilaev street, Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: laperdin2011@mail.ru

The article analyzes relations between the leadership of West Siberian regional committee (Kraikom) and Politburo on the issues associated with the grain procurement campaign in 1931–1932. Such analysis will help to better understand the role of party regional representatives in Stalin's agricultural policy. While on the whole remaining supporters of changes that took place in the Soviet countryside, the regional authorities could also adjust their course. In terms of grain procurement it led to controversy with the Central Committee on timing and volume of harvested grain. The final plan for grain procurement campaign of 1931–1932 in West Siberia was a result of long negotiations between central and regional leaders. Unrealistic objectives set by Politburo, caused a negative response from the regional committee. R.I. Eikhe, First secretary of West Siberian regional committee, repeatedly appealed to the central government to reduce the plan. In August 1931 he proposed to reduce the grain procurement quota from 100 to 65 mln. puds, explaining this by drought and crop failure that struck the main grain-growing areas of the region. This argument was supported by disappointing messages about the scope of disaster. In addition, R.I. Eikhe received moral support from the heads of other regions, who also had to ask Politburo to reduce the grain procurement plan. The West Siberian regional committee serving its own interests took a defensive stance that fit into common actions of other regional party organizations. Politburo had to make concessions, reducing plan to the proposed 65 million puds. It is noted that the final plan was a result of compromise. Procurement organizations collected required amount of grain, but this was detrimental to the food, forage and seed funds of collective farms. It also impacted negatively on agricultural economy of region and material well-being of peasants.

Key words: agrarian policy of the state, peasantry, grain procurements, West Siberian regional committee, R. I. Eikhe.

Хлебозаготовительные кампании начала 1930-х гг. в сибирской деревни являлись одной из основ-

ных хозяйственных задач, стоявших перед партийными и советскими органами управления. Их напряженный характер, определявшийся сложными социально-экономическими условиями, стал причиной дискуссии между различными уровнями вла-

*Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16-01-00067.

сти. Цель статьи – раскрыть отношения по вопросу хлебозаготовок между Западно-Сибирским крайкомом, сконцентрировавшим основные политические и хозяйственные функции в регионе, и Центром. При этом, говоря о крайкоме, основное внимание будет уделено действиям его первого секретаря Р.И. Эйхе. Под Центром подразумевается совокупность организаций союзного значения, задействованных в хлебозаготовительной кампании, в первую очередь Политбюро ЦК ВКП(б), устанавливавшего размеры заданий (планов) и сроки их выполнения. Решение данного вопроса поможет лучше понять роль представителей регионального уровня власти в проводившейся сталинским правительством аграрной политике.

В современной историографии уже предпринимались попытки аналогичных исследований. Так, В.В. Кондрашин говорил об ответственности руководства компартии Украины за развал сельскохозяйственного производства и возникновение голода в начале 1930-х гг. в СССР. Возлагая основную вину на Сталина, он отмечал, что украинские власти намеренно скрывали от Москвы реальное положение дел в республике с целью сохранить лицо и самостоятельно выправить ситуацию. Немалую роль сыграли при этом заверения генерального секретаря ЦК КП(б)У С.В. Кошиора о возможности выполнить хлебозаготовительный план [1, с. 237–256].

Между тем большинству представителей региональных властей была свойственна совсем иная позиция. Являясь проводниками «генеральной линии партии», они все же старались корректировать ее курс, в том числе в области поставок сельхозпродуктов, добиваясь снижения их объемов. Особенно активно в данном направлении вели себя первый секретарь Средне-Волжского крайкома ВКП(б) М.М. Хагаевич, первый секретарь Казахстанского крайкома Ф.И. Голощекин. Центр шел на уступки представителям региональных властей, если те доказывали необходимость уменьшения планов [2, с. 89]. Между тем позиция Западно-Сибирского крайкома по вопросу хлебозаготовок недостаточно освещена, хотя сами хлебозаготовки стали объектом ряда исследований [3, 4, 5].

Хлебозаготовительная кампания 1931/32 г. проходила в условиях, отличных от предыдущих лет. Доля коллективизированных хозяйств в Западной Сибири увеличилась с 20,9 % в июле 1930 г. до 52,5 % в июле 1931 г. В дальнейшем уровень коллективизации с незначительными колебаниями продолжал расти и летом 1932 г. составлял уже 61,2 % [6, с. 50]. В аграрном производстве стал доминировать социалистический сектор, ему же придавалось первоочередное значение при проведении заготовительных кампаний. Уверенность политического руководства страны в наличии хлебных запасов у крестьян, в больших производственных возможностях новообразованных сельскохозяйственных предприятий по сравнению с индивидуальными хозяйствами,

а также успехи на «хлебном фронте» в 1930/31 г., во многом объяснявшиеся хорошими погодными условиями и высоким урожаем, привели к увеличению норм изъятия зерна. В 1930/31 г. государству удалось собрать в Западной Сибири 81,3 млн пуд. хлеба [3, с. 17]. Это было достигнуто за счет сдачи части фуражных, семенных и продовольственных фондов колхозов. Тем не менее 25 июля 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило заготовить в регионе 100 млн пуд. [7, с. 466]. Бюро Западно-Сибирского крайкома утвердило план на заседании 5 августа 1931 г.¹, хотя присутствовавшие понимали нереальность требований. Основной причиной этого была засуха, поразившая юго-западные районы региона. Всего от непогоды пострадало 55 районов, а недобор зерновой продукции составлял не менее 1245,5 тыс. т.² После заседания крайкома его глава Р.И. Эйхе писал в Центр о неурожае, вызванном засухой. Стихийное бедствие проявилось в той части края, где были сосредоточены основные посевные площади. Так, в 40 районах с урожайностью до 4,5 ц оказалось расположено 48,5 % всех посевов. Ввиду этого первый секретарь крайкома просил снизить заготовительные задания до 65 млн. пуд. В своих расчетах он отталкивался от данных о плане за неурожайный 1929 г. К нему следовало прибавить 10 млн пуд., распределенных по совхозам. В противном случае, «оставление Запсибкраю плана хлебозаготовок в размере 100 млн пуд. не только не увеличит количество хлеба, которое Наркомснаб предполагает получить из Сибири в нынешнем году <...> но дезорганизует хлебозаготовки, вызовет политические осложнения в деревне и резкое сокращение посевной площади в будущем году»³. Иными словами, Р.И. Эйхе не хотел допустить в Западной Сибири ситуации, возникшей в это же время по вине украинского руководства в СССР. Политбюро ЦК ВКП(б) крайне негативно воспринимало предложения о снижении заготовительных планов. Согласно постановлению Наркомата снабжения СССР от 8 апреля 1931 г. республиканские, краевые и областные организации могли предлагать изменения только по отдельным секторам, а не относительно всего задания [7, с. 445–449]. Постановка вопроса о снижении задания означала на практике предложение более реальных и сбалансированных планов, а значит, и корректировку всей заготовительной политики. Центр не хотел идти на изменение своего курса и сопротивлялся давлению региональных партийных организаций, поэтому просьба Р.И. Эйхе не была удовлетворена сразу.

Во время своего визита в Москву в августе 1931 г. Р.И. Эйхе просил Л.М. Кагановича обсудить данный вопрос на Политбюро ЦК ВКП(б). Тот держал связь с находившемся в это время в отпуске

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П–3. Оп. 2. Д. 150. Л. 22.

² Там же. Д. 352. Л. 132.

³ Там же. Оп. 1. Д. 412 б. Л. 29.

И.В. Сталиным и доложил генеральному секретарю о предложении главы Западно-Сибирского крайкома. Утвержденные планы были не выполнимы не только в Западной Сибири, но и в других областях страны. Сразу после их получения республиканские и краевые парторганизации поставили вопрос перед центральными органами о снижении хлебозаготовительных заданий. В августе 1931 г. с такими просьбами обратились Уральский обком, а также власти Башкирской и Татарской ССР. На этом фоне предложение Р.И. Эйхе не выглядело вызывающим. И все же уменьшение плана на 35 % показалось Сталину чрезмерным. Он пошел на уступки и в своей ответной телеграмме Л.М. Кагановичу предложил установить для Западной Сибири 85 млн пуд., что было оформлено Политбюро 25 августа 1931 г. [8, с. 99–100].

Распределив новый план по районам края, сибирская парторганизация принялась за его выполнение. В августе был заготовлен 31 % от запланированного в этом месяце, в сентябре – 41,9⁴, в октябре – 62 %⁵. Взятые крайкомом темпы не реализовывались даже в условиях жесточайшего нажима со стороны властей на деревню. Всего с июля по конец октября 1931 г. заготовительные организации собрали 561,9 тыс т, или около 40 % установленного для Западной Сибири плана. Выполнить его в полном объеме оказалось невозможным по причине неурожая.

Крайком был ограничен в своих возможностях повлиять на решение Центра об уменьшении полученного задания. Р.И. Эйхе, будучи вынужден принять его, тем не менее, в достаточно осторожной форме ставил Сталина перед тем фактом, что план неминуемо подорвет производственные силы деревни, и при его выполнении невозможно будет создать кормовые фонды и выдать колхозникам необходимое количество хлеба на заработанные трудодни⁶. По всей видимости, он боялся быть обвиненным в неспособности занимать руководящую должность. Поэтому не хотел открыто выступать за дальнейшее снижение плана и выжидал наступления удобного момента для новой просьбы об его уменьшении.

Благоприятная для него ситуация сложилась на проходившем 30–31 октября 1931 г. в Москве пленуме ЦК ВКП(б), на котором остро стояли вопросы текущей хлебозаготовительной кампании. Здесь столкнулись две позиции – с одной стороны, отстаивавшего уже установленные планы Политбюро, а с другой – региональных представителей, просивших об их снижении. Среди прочих с докладом выступил Р.И. Эйхе, описавший сложившуюся в Западной Сибири обстановку. Имея моральную поддержку со стороны руководителей краевых парторганизаций, столкнувшихся с аналогичной проблемой невыполнимости планов, Р.И. Эйхе было легче защищать свою точку зрения. Политбюро пришлось пойти навстречу

регионам, в том числе Западной Сибири, и уменьшить хлебозаготовительные задания. Новое задание для Западной Сибири составляло 65 млн пуд. [7, с. 535]. Таким образом, Р.И. Эйхе удалось отстоять перед Центром предлагавшиеся еще летом контрольные цифры. Решение пленума ЦК ВКП(б) было окончательно оформлено Наркоматом снабжения СССР 15 ноября 1931 г. [7, с. 544–546].

Двойное снижение плана стало возможным не только благодаря стараниям первого секретаря Западно-Сибирского крайкома, но и информации об объемах поступавшего в распоряжение государства зерна, которую представлял Союзхлеб. Он оказался ниже ожидаемого, даже несмотря на давление Политбюро. Это также стало причиной, по которой Сталин дважды пошел на уменьшение задания. Кроме того, в Центре имелись и иные источники информации, помимо крайкома и заготовительных организаций. Органы госбезопасности старательно собирали и поставляли сведения о положении в крае. Полномочный представитель ОГПУ по Западно-Сибирскому краю Л.М. Заковский еще в августе 1931 г. в спецсводке, адресованной в Москву, описывал состояние посевов после засухи: «в результате неблагоприятных метеорологических условий в основных районах зерновой полосы края ранние посевы в значительной части засохли на корню, а поздние совсем не взошли» [7, с. 469]. Впоследствии он сообщал о ходе хлебозаготовительной кампании и антигосударственных выступлениях крестьян. Вместе с тем в своих сообщениях Л.М. Заковский не пытался поставить под сомнение размеры плана, так как это не входило в его функции.

Далеко не всегда апелляции к общесоюзным организациям находили поддержку Западно-Сибирского крайкома. В октябре 1931 г. свиноводческий трест попытался обратиться в Народный комиссариат земледелия СССР за финансовой помощью неурожайным совхозам, для чего стал собирать сведения о площадях погибших посевов и урожайности⁷. Вероятно, краевому руководству это не понравилось по ряду причин. Во-первых, подобные действия тормозили заготовку зерна по совхозам треста. Их директора, рассчитывая на снижение задания, могли придержать хлеб. Подобные случаи неоднократно происходили и жестко пресекались. Во-вторых, создавался прецедент, когда краевые организации в обход руководства крайкома обращались за помощью к Центру. Формально они имели на это право, однако в вопросах, ставящих под сомнение авторитет крайкома, партийно-политическая верхушка не могла допустить волеизъявления хозяйственников.

Позиция Р.И. Эйхе определялась не только имевшейся у него информацией о последствиях неурожая, но и воздействием представителей районных властей. Хотя они находились ниже первого секретаря крайкома по служебному положению и должны

⁴ Там же. Оп. 2. Д. 150. Л. 43–44.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 158. Л. 126.

⁶ Там же. Оп. 2. Д. 150. Л. 61–65.

⁷ Там же. Д. 158. Л. 135.

были ему подчиняться, тем не менее, на местах спущенные сверху директивы зачастую не исполнялись. Это было вызвано как своеволием районных руководителей, чувствовавших себя хозяевами на вверенной им территории, так и самими директивами, зачастую невыполнимыми. Бюро Сузунского райкома в течение сентября 1931 г. пыталось отстоять уменьшенный план в 2000 т., распределив его по району. И только после приезда члена краевого комитета ВКП(б) было утверждено ранее установленное хлебозаготовительное задание в 3000 т.⁸ Аналогично поступили работники Седельниковского района, самостоятельно снизившие задание с 4500 до 1200 т.⁹ Такие случаи были не единичны. И все же большинство райкомов принимали спущенные сверху планы сразу после их получения. Однако они тут же просили вышестоящие инстанции снизить заготовительные задания, при этом зачастую повторяя аргументацию главы крайкома перед Политбюро ЦК ВКП(б). Краевые власти не могли удовлетворить все требования районных представителей и пытались стимулировать их работу за счет административных мер. Различного рода предупреждения, выговоры, снятия с работы и судебные преследования были в порядке вещей. 21 октября 1931 г. бюро Западно-Сибирского крайкома объявило выговоры сразу пяти райкомам и четырем МТС, кроме того, предупредило о грозящих взысканиях еще шесть райкомов и столько же МТС, а также сняло с должности директора Комарихинской МТС Покровского района¹⁰. Аналогичные постановления практиковались неоднократно, повторялись с различными формулировками в отношении многих районов края. 22 октября 1931 г. было снято с работы все руководство Кочковского района, а прокуратуре поручалось организовать следствие о срыве хлебозаготовок¹¹. Административные меры заставляли районных работников стимулировать ход хлебозаготовок на местах. Однако они не решали основной проблемы – нереальности планов, что понимали как низовые, так и краевые работники. Это и побуждало Р.И. Эйхе вновь и вновь ставить вопрос перед Центром о снижении задания для Западной Сибири.

Собрать установленные по итогам октябрьского пленума ЦК ВКП(б) 65 млн пуд. удалось только в начале следующего года. 22 января 1932 г. бюро Западно-Сибирского крайкома объявило о выполнении заготовительного плана (без учета гарнца)¹². При этом единоличные хозяйства сдали только 69,8 % требуемого зерна. Недостающий хлеб удалось покрыть за счет перевыполнения плана по колхозам. Отставал от намеченных темпов и сбор гарнца (к 10 января собрано всего 48,5 % вместо 65 %, утвержденных ранее). И все же краевое руководство могло отчитаться

перед Центром об успешном завершении хлебозаготовительной кампании, хотя зерно продолжало поступать на приемные пункты в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 января 1932 г. о сверхплановых хлебозаготовках [9, с. 253].

Таким образом, конечный план хлебозаготовительной кампании 1931/32 г. в Западной Сибири был результатом длительных переговоров между Центром и краевым руководством. Непомерно раздутые задания, спущенные в крайком из Политбюро, вызвали негативную реакцию. Р.И. Эйхе, зная производственные возможности сибирской деревни и специфику предстоящей кампании, проходившей в условиях засухи и неурожая, поразивших западную часть региона, выдвинул свой вариант плана, снизив его со 100 до 65 млн пуд. Необходимость принятия предложения первого секретаря крайкома подкреплялась поступающими из различных источников неутешительными сведениями о ходе хлебозаготовок и размерах стихийного бедствия. Кроме того, у Р.И. Эйхе была моральная поддержка со стороны глав других регионов, также вынужденных просить у Политбюро снижения размеров заготовительного плана. «Защитная» позиция бюро Западно-Сибирского крайкома, отстаивавшего собственные интересы перед Центром, вписывалась в общие действия других краевых парторганизаций. Политбюро пришлось пойти на уступки, дважды снизив план и доведя его до предложенных Р.И. Эйхе 65 млн пуд. Следует отметить, что конечный план носил компромиссный характер. Заготовительные организации собрали нужное количество хлеба, но при этом пришлось затронуть продовольственные, фуражные и семенные фонды колхозов, что крайне негативно отразилось на аграрной экономике региона и материальном состоянии крестьян.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кондрашин В.В. И.В. Сталин и голод 1932–1933 гг. в УССР: проблема ответственности Центра и республиканского руководства // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в УССР. М., 2011. С. 237–256.
2. Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М.: РОССПЭН, 2014. С. 350.
3. Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2002. Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930–1941 гг. 253 с.
4. Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930–е гг. Новосибирск, 2011. 608 с.
5. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы. Новосибирск, 2012. 408 с.
6. Гуцин Н.Я. Рабочий класс Сибири в борьбе за создание колхозного строя. Новосибирск, 1965. С. 154.
7. Голод в СССР. 1929–1934: 3 т. М., 2011. Т. 1: 1929 – июль 1932: 2 кн. Кн. 1. С. 656.
8. Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М., РОССПЭН, 2011. С. 539.
9. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. М., 2001. Т. 3: Конец 1930–1933. С. 1008.

⁸ Там же. Оп. 1. Д. 197. Л. 19.

⁹ Там же. Оп. 2. Д. 150. Л. 62.

¹⁰ Там же. Л. 71.

¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 201. Л. 9–10.

¹² Там же. Д. 263. Л. 12.

REFERENCES

1. *Kondrashin V.V.* J.V. Stalin and the famine of 1932-1933 in the UkSSR: the problem of responsibility of the Centre and the Republican leadership. *Sovremennaya rossiysko-ukrainskaya istoriografiya goloda 1932–1933 gg. v UkSSR* Moscow, 2011, pp. 237–256. (In Russ.)
2. *Kondrashin V.V.* Grain procurement policy in the years of the first five-year plan and its results (1929-1933). Moscow, 2014, 350 p. (In Russ.)
3. Policy of depeasantization in Siberia. Ed. 2: Forms and methods of centralized grain procurement. 1930-1941. Novosibirsk, 2002, 253 p. (In Russ.)
4. The agrarian policy of the Soviet state and agriculture in Siberia in the 1930s. Novosibirsk, 2011, 608 p. (In Russ.)
5. Agriculture of Siberia in the XX century: problems of development and crisis. Novosibirsk, 2012, 408 p. (In Russ.)
6. *Gushchin N.Y.* The working class of Siberia, the struggle for the creation of the collective farm system. Novosibirsk, 1965, 154 p. (In Russ.)
7. Famine in the USSR. 1929-1934. Moscow, 2011, vol. 1: 1929 – July 1932: bk. 1. 656 p. (In Russ.)
8. *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931–1933, Moscow, 2011, 539 p. (In Russ.)
9. The tragedy of the Russian village. Collectivization and dekulakization. Document and materials: 5 vol. Moscow, 2001, Vol. 3: End of 1930-1933, 1008 p. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 14.04.2016*